

— НАУКИ О ЗДОРОВЬЕ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА —

DOI 10.25587/SVFU.2018.4(13).20747

УДК 316. 624.2:159.9

М. П. Дуткин

ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Аннотация. Среди коренных народов, проживающих в России, выявляются высокие показатели самоубийств. Подобная ситуация наблюдается в ряде зарубежных стран, где проживают коренные народы, в том числе в США, Канаде, Латинской Америке. Знание причин и факторов риска суицидального поведения необходимы для разработки профилактических мероприятий по предотвращению самоубийств.

Цель исследования: анализ зарубежной и отечественной научной литературы для получения информации о распространенности самоубийств среди коренных народов, проживающих в разных странах, и выдвижение собственной версии ведущего этнокультурального фактора суицида. *Методы.* Проведен системный анализ научных статей и статистических баз данных, освещающих вопросы распространенности, причин и факторов риска суицида среди коренных народов. Для поиска научной литературы использованы электронные базы pubmed и medline, электронные ресурсы официальных государственных сайтов. Глубина научного поиска составила 20 лет, период поиска – с 1997 по 2017 гг. *Результаты.* Установлены факторы, объясняющие высокий уровень самоубийств коренных народов США, Канады, Латинской Америки: сокращение ареала обитания, бедность, культурно-историческая травма, нарушения психического здоровья в виде депрессии, вызванной стрессом и отчаянием, алкогольная зависимость. Российские суицидологи выявили следующие факторы, объясняющие высокий уровень самоубийств коренных народов Севера Российской Федерации: психологические (депрессия), социально-экономические (безработица и бедность), религиозные, генетические факторы, алкоголизм и «пассионарность». Чаще всего упоминаются психологические и социально-экономические триггеры самоубийства. Автором выдвигается собственная версия ведущего этнокультурального фактора суицида – коренные народы испытывают своеобразную «культурно-психологическую травму». Эта «травма» вызвана таким общественно-психологическим явлением как «европейский этноцентризм». У представителей коренного населения подавляется чувство национального самосознания. Все это снижает психологическую устойчивость людей, повышает их психогенную уязвимость, что выражается в развитии суицидального поведения. *Вывод.* Отказ от высокомерно самовозвеличивания европейцев как носителей якобы абсолютных ценностей и их позиционирования как непогрешимых судей будет способствовать развитию мультикультурализма. Мультикультурализм означает взаимную адаптацию разных категорий населения, создание более комфортных условий для национальных меньшинств, – а значит, снижение высокой суицидальной активности коренных народов мира.

Ключевые слова: самоубийство, коренные народы, распространенность, причины суицида, факторы риска, этнокультуральные факторы суицида, межкультуральный конфликт, европоцентризм.

ДУТКИН Максим Петрович – кандидат философских наук, врач-психотерапевт, доцент кафедры неврологии и психиатрии Медицинского института ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова». Адрес: 677000, Якутск, ул. Белинского, 58. Тел.: 8-924-1742330. E-mail: maksdutkin@mail.ru

DUTKIN Maxim Petrovich – Psychotherapist, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Department of Neurology and Psychiatry, Institute of Medicine, M. K. Ammosova North-Eastern Federal University. 677000, Yakutsk, ul.Belinskogo 58. Tel.: +7-924-1742330. E-mail: maksdutkin@mail.ru

M. P. Dutkin

Ethno-cultural factors of suicidal behaviour among indigenous peoples

Abstract: A high rate of suicide is revealed among indigenous peoples living in Russia, revealed the high rate of suicide. A similar situation is revealed in a number of foreign countries where there are indigenous peoples live, including in the United States of America, Canada and Latin America. Knowledge of the causes and risk factors of suicidal behaviour are necessary to for the development of suicide preventive measures for suicide prevention.

The purpose of the study: analysis of foreign and Russian domestic scientific literature for gathering information on the prevalence of suicide among indigenous peoples in different countries and suggesting our the nomination of its own version of the host impact of the ethnocultural factor of suicide. *Methods.* We conducted a systematic search of scientific articles and statistical databases covering the issues of the incidence, causes and risk factors of suicide among indigenous peoples. To search for scientific literature, we used the PubMed and Medline electronic databases, “pubmed” and “medline” electronic resources of the official state websites. The depth of scientific research was 20 years, with the search period from 1997 to 2017. *Results.* The factors that explain the high suicide rate among of indigenous peoples of the United States of America, Canada, and Latin America are as follows: reduction of habitats, poverty, cultural and historical trauma, mental health disorders in the form of depression, caused by stress and despair, alcohol dependence. Russian suicide experts experienced by the identified the following factors that explaining the high suicide rate among of the indigenous peoples of Northern Russia: psychological (depression), socio-economic (unemployment and poverty), religious, genetic factors, alcoholism and “passionarity”. Psychological and socio-economic triggers of suicide are reported as The most commonly reported psychological and socio-economic triggers of suicide. The author put forward their own version of the ethnocultural leading factor of suicide – indigenous peoples have experienced a kind of a “cultural and psychological trauma”. This “trauma” was caused by such socio-psychological phenomenon as “European ethnocentrism”. The indigenous population were deprived of the sense are suppressed feelings of national identity. All this reduces the psychological stability of the people, increases their psychological vulnerability, resulting in the development of suicidal behavior. *Conclusion.* The rejection of arrogant self-exaggeration of Europeans as carriers of supposedly absolute values and their self-positioning as infallible judges will lead to the development of multiculturalism. Multiculturalism means mutual adaptation of different categories of population, creation of more comfortable conditions for ethnic national minorities, which means reduction of high suicidal activity among of the world’s indigenous peoples.

Key words: suicide, indigenous native peoples, prevalence, causes of suicides, risk factors, ethnoculturally factors of suicide, conflict between cultures, Eurocentrism.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в 2014 г. опубликовала первый доклад «Предотвращение самоубийств: глобальная императива» о суицидах в мире, который поставил вопрос о предотвращении суицидов как один из наиболее приоритетных вопросов современного общества [1].

Самоубийства происходят на протяжении всего жизненного цикла, став в 2015 г. ведущей причиной смерти молодых людей 15-29 лет в глобальных масштабах.

Самоубийства происходят не только в странах с высоким уровнем дохода, этот глобальный феномен характерен для всех регионов мира. Более 78 % самоубийств в мире произошли в 2015 г. в странах с низким и средним уровнем дохода.

Суицидальное поведение провоцируется военными конфликтами, стихийными бедствиями, семейным насилием. Показатели самоубийств также высоки среди самых уязвимых групп, которые подвергаются дискриминации, – среди беженцев и представителей коренных народов. Знание причин и факторов риска суицидального поведения необходимы для разработки профилактических мероприятий по предотвращению самоубийств.

Настоящее исследование состоит из аналитического обзора зарубежной и российской научной литературы по проблемам самоубийства среди коренных народов разных стран и выдвигания собственной версии ведущего этнокультурального фактора суицида.

Цель обзора – получение информации о распространенности самоубийств среди коренных народов, причинах и факторах риска.

Методы. Проведен системный поиск научных статей и статистических баз данных, освещающих вопросы распространенности, причин и факторов риска суицида среди коренных народов. Для поиска научной литературы использованы электронные базы pubmed и medline, электронные ресурсы официальных государственных сайтов. Глубина научного поиска составила 20 лет, период поиска – с 1997 по 2017 г. Поиск произведен с использованием ключевых слов: «самоубийство», «коренные народы», «причины суицида», «факторы суицида», «suicide», «native people», «reasons», «risk factors».

Распространенность суицидов среди коренных народов США, Канады и Латинской Америки, причины и факторы риска.

Этнокультуральный фактор суицида в первую очередь прослеживается на примере Венгрии, которая долгое время, вплоть до 1994 г., удерживала первенство по числу самоубийств в мире [2]. По уровню социально-экономического развития Венгрия не отставала от своих соседей по социалистическому лагерю – Польши, Румынии и Чехословакии, в которых уровень самоубийств был намного ниже. Венгры относятся к финно-угорским народам. Другие зарубежные страны с финно-угорским населением также дают аналогичные высокие показатели суицидов: Финляндия – 20,3 на 100 тысяч населения в 2004 г., Эстония – 20,3 в 2005 г. [3].

В конце XX века в индейских резервациях США и странах Латинской Америки произошел резкий всплеск суицидов. Основными причинами этой эпидемии суицидов считаются разрушение этнических традиций, уменьшение ареала обитания, отсутствие работы, алкоголизм. Самый характерный пример – индейское племя гуарани-кайова в Бразилии.

Международная неправительственная организация Survival International, активно борющаяся во всем мире за права коренных народов, 21 марта 2010 г. представила в ООН доклад, свидетельствующий о бедственном положении гуарани в Бразилии [4]. Директор этой организации Стивен Корри рассказал о том, что уровень самоубийств среди гуарани является одним из самых высоких в мире. Начиная с 1981 г. более 600 гуарани покончили с собой. Это почти 1,5 % населения индейского народа. Одной из причин столь острой ситуации доклад называет отказ коренным народам в их праве на землю.

По словам доктора Р. Тонсберга из Индейской Службы Здравоохранения в США (IHS), уровень самоубийств у индейцев арапахо почти в 20 раз выше, чем среди других американцев [5]. По всей США индекс самоубийств составляет около 12 на 100 тысяч населения, в то время как у арапахо составляет 233 на 100 тысяч.

По данным 2007 г., показатель суицида среди коренных народов Аляски превышал в 3,3 раза средний показатель по стране [6].

Департамент здравоохранения и социальной службы США опубликовала доклад о том, что в 2009 г. самоубийство стало основной причиной смерти среди индейцев и коренных жителей Аляски в возрасте от 10 до 34 лет в США [7].

Суицидальный индекс у мужчин – коренных жителей Аляски 15-24 лет в 14 раз выше среднего показателя суицидов в США, у инуупиатов Северо-Запада Аляски суициды – ведущая причина смерти в 15-18 лет [8].

Мишель Ривард-Паркс, профессор юриспруденции Университета Северной Дакоты, в 2014 г. объявила, что «последствия попыток ассимилировать коренных жителей США и Аляски привело к тому, что в возрасте 18-24 лет суицидальный индекс у индейцев и коренных жителей Аляски в 2 раза выше – 34,4 на 100 тысяч населения, чем в стране в целом – 17 на 100 тысяч населения» [9].

Подобно народам Арктики и всего мира, коренное население Гренландии столкнулось со смертельными последствиями культурного вмешательства. По данным Международного журнала Циркумполярного здоровья, уровень самоубийств в этой стране составил 83 чел. на 100 тысяч населения в 2010 г. (максимальная цифра была достигнута в 1989 г. – 117), и при этом чаще всего погибает молодое население [10]. Эти показатели являются самыми высокими показателями суицидального индекса.

Самоубийства среди индейцев США и коренных жителей Аляски (инуитов) объясняются множественными социальными проблемами, включая алкоголизм и наркоманию, издевательства, насилие, высокий уровень безработицы и отсева учащихся, высокий уровень бедности и лишений [11].

Ведущий научный сотрудник НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН Н. Б. Семенова выделяет следующие факторы, объясняющие высокий уровень самоубийств коренных народов США, Канады, Латинской Америки, Австралии и Новой Зеландии: культурно-историческая травма, нарушение экологического равновесия, нарушения психического здоровья, алкогольная и наркотическая зависимость [12].

Когда говорят о «культурно-исторической травме», перенесенной народами бывших колониальных стран, то подразумевают не историческое событие. Речь идет о травме, которая, начавшись несколько веков назад, имеет историю продолжения и сохраняет свою актуальность по сегодняшний день [12]. Политика колонизации, проводившаяся в местах проживания коренных народов, подорвала и почти уничтожила самобытную культуру и идентичность аборигенов. На протяжении многих веков коренные народы в колониальных странах испытывали многочисленные унижения, насилие, голод, а порой – массовое уничтожение. Последствия перенесенных исторических потерь сохраняются в виде неблагоприятного социально-экономического положения, нетерпимости и дискриминации [12].

Клинические последствия культурно-исторической травмы проявляются в высоком уровне самоубийств, алкоголизма и наркомании у коренных народов [13].

Процессы глобализации и урбанизации приводят к оттеснению коренных народов с их привычных мест обитания, лишая возможности заниматься традиционным промыслом, что приводит к нарушению экологического равновесия в системе «человек – среда». Самоидентификация коренных народов заложена в тесном единении с природой и в традиционно-хозяйственном укладе. Отказ от традиционного промысла ведет к потере смысла жизни, и тогда самоубийство является единственным решением [12].

Нарушения психического здоровья у коренных народов проявляются в высоких показателях депрессии, вызванной психологическим стрессом и отчаянием. Продолжающаяся дискриминация, низкое социально-экономическое положение являются предпосылками для ухудшения психического здоровья и суицидального поведения [12].

Высокий уровень суицидов у коренных народов США связывают также со стигматизацией* индейцев как «пьяниц» [14]: такая «стигма» отрицательно влияет на их психическое здоровье и самооценку.

Распространенность суицидов среди коренных народов Сибири и Севера Российской Федерации, причины и факторы риска.

Население Российской Федерации относится к странам с высокой суицидальной активностью. По критериям ВОЗ, суицидальный индекс выше 20 случаев самоубийства на 100 тысяч населения считается высоким. За 2012 г. глобальный средний показатель самоубийств составил 11,4 на 100 тысяч населения [15]. С 1994 по 2004 гг. Российская Федерация занимала первое место в мире по количеству суицидов на 100 тысяч населения. Максимальное количество наблюдалось в 1995 г. – 41,1 случаев суицида. Последующий спад количества самоубийств в 2012 г. привел к показателю 19,5 [15]. В 2015 г. суицидальный индекс в РФ составил 17,1 на 100 тысяч населения [16].

По словам бывшего детского омбудсмена П. Астахова, Россия занимает первое место в мире в Европе одно из первых мест в мире по уровню смертности среди детей и подростков [17]. В 2009 г. на 100 тысяч детского населения приходилось 19,8 случаев суицидов. В последние годы в Российской Федерации частота суицидов 10-14-летних детей колеблется от 3 до 4 случаев на 100 тысяч, а среди подростков 15-19 лет – 19-20 случаев, что превышает средний мировой показатель по этой возрастной категории населения в 2,7 раза.

В Российской Федерации, как и в зарубежных странах, высокие цифры суицидального индекса дает коренное население Арктики и Сибири.

По данным Росстата за 2009 г., наибольшее количество суицидов среди детей наблюдаются в Тыве, Якутии и Бурятии, где на 100 тысяч детей в возрасте от 10 до 14 лет приходится соответственно: 15,6; 13,4 и 12,6 случаев [17]. В этих же регионах отмечаются самые высокие случаи суицида среди подростков 15-19 лет: 121 в Тыве, 86,6 в Якутии и 74,2 в Бурятии. Эти цифры в 3 раза превышают общероссийские показатели и, соответственно, в 8 раз – средние мировые показатели.

Анализ частоты самоубийств подростков в возрасте 15-19 лет в Республика Тыва за 2012 г. приводит к показателю 96,5 на 100 тысяч населения [18]. Этот суицидальный индекс превышает общероссийский уровень в 6 раз, мировой уровень в 13 раз.

В 2010 г. суицидальный индекс всего населения Российской Федерации составил 23,4 на 100 тысяч. В национальных республиках РФ этот индекс превышен в несколько раз: в Республике Алтай – 65,6 (общероссийский показатель превышен в 3 раза), в Республике Башкортостан – 40 (превышение в 1,8 раз), в Республике Бурятия – 64,6 (превышение в 3 раза), в Республике Калмыкия – 39,7 (превышение в 1,8 раз), в Республике Коми – 40,5 (превышение в 1,8 раз), в Республике Марий-Эл – 47,9 (превышение в 2 раза), Ненецкий автономный округ – 75,1 (превышение в 3,2 раза), в Республике Саха (Якутия) – 40,8 (превышение в 1,8 раз), в Республике Тыва – 71,7 (превышение в 3 раза), в Удмуртской Республике – 49,2 (в 2,1 раз выше), в Республике Хакасия – 38,9 (превышение в 1,7 раз), в Чувашской Республике – 45,1 (в 2 раза выше), Чукотском автономном округе – 88,7 (превышение в 3,9 раз) [19]. В Корякском автономном округе в 2006 г. суицидальный индекс составил 91,5 (в Российской Федерации – 30,1).

По мнению доктора медицинских наук Т. П. Сабгайды, для северных регионов типичен повышенный уровень самоубийств. По ее данным, в группу территорий, где отмечен наиболее высокий уровень самоубийств, из арктических районов входят Ненецкий АО и Корякский район Камчатского края, при этом последний является абсолютным чемпионом по уровню суицидов – 133,6 случаев [20].

Высокое число самоубийств в национальных республиках РФ, особенно подросткового и детского суицидов, свидетельствует о большой роли «этнокультурального» фактора в происхождении самоубийства.

Руководитель отдела «Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Б. С. Положий при изучении частоты самоубийств в Республике Коми установил, что у лиц финно-угорских национальностей суицидальный индекс составляет 94,9 случая на 100 тысяч населения, в 2,2 раза превышая аналогичный показатель среди славян (41,5) и в 1,7 раза превышает средний показатель самоубийств по республике [21]. При этом распространенность суицидов у финно-угров возросла в последние годы в 1,6 раза, а у славян осталась стабильной. Эти цифры, по мнению Б. Положия, убедительно показывают большую предрасположенность финно-угров к суицидальному реагированию. При этом частота самоубийств в финно-угорской субпопуляции превышает аналогичные показатели как среди мужчин (в 2,5 раза), так и среди женщин (в 2,7 раза).

Высокий суицидальный индекс в Республике Коми подтверждает другой исследователь суицидального поведения – В. М. Терехин: по его данным, в 2008 г. коэффициент смертности от самоубийств в Российской Федерации (число умерших в расчете на 100 тысяч населения) составлял – 27, в Республике Коми – 42 [22]. Для сравнения: в Республике Саха (Якутия) этот коэффициент составлял в 2008 г. 48,5 на 100 тысяч населения. Уровень суицидального поведения в Республике Саха (Якутия) выше, чем в среднем по Российской Федерации более чем в 1,8 раз и почти в 2,5 раза превышает предельно-критические, пороговые параметры уровня самоубийств, определенные экспертами Всемирной организации здравоохранения (20 самоубийств на 100 тысяч населения).

По данным 2013 г., уровень суицидов составлял в Архангельской области – 34,6, в Ненецкой АО – 51,3, в Чукотской АО – 53,3, что превышает в 1,5-2,5 раза усредненные показатели в РФ [23]. В Чукотском АО уровень суицидов женщин 80-85 лет достигает 787,4 (усредненный показатель суицидов у женщин в среднем по стране – 36,2) при 0 у мужчин.

Сверхвысокий уровень самоубийств встречается не только в тех регионах Российской Федерации, где живет население с финно-угорскими корнями, но и в регионах Крайнего Севера, в частности, в Республике Саха (Якутия).

Первым обратил внимание на высокие показатели суицида в Якутии этнограф Д. Т. Шепилов в 1928 г., проанализировав архивные данные Якутского края, писал в своей работе «Самоубийства в Якутии (этнод)»: «В Якутии в начале XIX столетия количество самоубийств в 1809 и 1810 годах составляло соответственно 23 и 17, то есть приблизительно в три раза выше, чем в России» [24].

Б. С. Положий выделяет несколько этнокультуральных факторов, способствующих высокой суицидальной активности финно-угров [21].

Главным из них для него является фактор религиозной морали. В отличие от славян, имеющих более чем тысячелетнюю историю христианства, в рамках которого самоубийство является тяжким грехом и вследствие этого культурально ненормативным и осуждаемым поступком, у финно-угорских народов такие ограничения практически отсутствуют. Это связано с тем, считает Б. С. Положий, что христианство вошло в их культуру лишь 350 лет назад, причем в значительной степени принудительно, что препятствовало внедрению в сознание людей принципов христианской морали.

Вторым этнокультуральным фактором суицида Б. С. Положий считает наличие национальных (фактически языческих) традиций у финно-угорских народов, к числу которых относятся вера в загробную жизнь в новом качестве и, соответственно, отсутствие страха перед смертью. Поэтому самостоятельный уход из жизни предполагает скорое и легкое возвращение в нее по миновании сложной ситуации [21].

Высокая суицидальная активность монгольских этносов в Российской Федерации (буряты, калмыки), а также тывинцев, по мнению Б. С. Положия, обусловлена доминирующей в их культуре религиозными воззрениями [18]. Традиционной для них религией является сочетание буддизма – ламаизма и шаманизма. В отличие от христианства и ислама, к особенностям этих культов относится терпимое отношение к самоубийству. Корни этого явления, по мнению Б. С. Положия, лежат в бытовавших в этих религиях убеждениях о реинкарнации.

Другие исследователи суицидального поведения считают, что показатели, характеризующие уровень религиозного сознания в Российской Федерации, остаются на низком уровне, иными словами, значительная часть респондентов, считающих себя верующими, на самом деле плохо представляют себе то, во что верят, и вера мало влияет на их жизненные цели и установки [2, 25].

Российские политологи В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян и С. С. Сулакшин отрицают религиозность россиян: «Подавляющее большинство номинировано верующих в России имеют к религии весьма отдаленное отношение... Лишь крайне незначительное число россиян регулярно посещают храмы (7%), читают Евангелие (2%), и, таким образом, подлинная численность православной паствы в России не превышает 7% населения» [26].

Третьей этнокультуральной особенностью суицидентов финно-угорской национальности является, по мнению Б. С. Положия, их антиципационная несостоятельность. Дело в том, что финно-угорская культура накладывает табу на разнвариантное прогнозирование жизни, диктуя необходимость предвосхищения лишь позитивных событий. В итоге несовпадение личного прогноза развития ситуации с ее реальным неблагоприятным течением может принять психотравмирующий и суицидогенный характер [21].

Суицидолог из Бурятии С. В. Цыремпилов высокую суицидальную активность циркумпольных коренных народов связывает с понижением «пассионарной энергии», что не позволяет этим этносам приспособляться к быстро меняющимся условиям среды [27]. Согласно теории этногенеза Л. Н. Гумилева, уровень пассионарной энергии, присущий определенной фазе этногенеза, определяет этнический характер (менталитет) любого этноса [там же].

Для других бурятских суицидологов психологические факторы являются триггерами высокой суицидальной активности молодежи бурятской национальности [28, 29].

Взрослые представители коренных малочисленных народов Севера считают основной причиной суицида «скуку», а для молодежи основным фактором, провоцирующим суицидальное поведение, выступает «стресс» [30].

Н. Б. Семенова выявила следующие индивидуально-типологические особенности поведения коренной молодежи Севера Российской Федерации: высокий уровень тревоги, неуверенность, мнительность, беспокойство, повышенное чувство вины, застреваемость на негативных переживаниях, настороженность и недоверчивость [31]. Такие особенности эмоциональной сферы являются предпосылками повышенного суицидального риска.

Помимо этого Н. Б. Семенова находит у детей коренных народов Севера типологические особенности высшей нервной деятельности в виде меньшей подвижности нервных процессов и доминирования правого полушария над левой в функционировании центральной нервной системы

[32]. Эти особенности, по мнению Н. Б. Семеновой, приводят к психологической дезадаптации коренных этносов к современным условиям среды и к высокой суицидальной активности.

На ведущую роль психологических особенностей в происхождении суицидального поведения коренных народов Севера (стресс, депрессия, индивидуально-психологические особенности) указывают и некоторые другие суицидологи [28, 29, 30].

Другие российские ученые связывают особенности суицидального поведения коренных народов с генетической предрасположенностью к самоубийству [20, 33, 34].

Большинство исследователей считают, что суицидальное поведение коренных народов в первую очередь зависит от социально-экономических факторов, от уровня жизни [19, 20, 22, 23, 33, 35, 36, 37, 38, 39].

По мнению директора Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан Р. М. Валиахметова, на распространение суицида влияют как социально-экономические факторы (занятость, уровень и качество жизни населения), так и социокультурные (национально-культурные ценности и религиозные традиции) [19].

Российские исследователи суицидального поведения А. С. Иванова, Т. П. Сабгайда и В. Г. Семенова считают, что сверхсмертность от суицидов у российских подростков определяется прежде всего сельским населением, и в этой ситуации социально-экономические факторы, приводящие к отсутствию жизненных перспектив, представляются очевидными, лежащими на поверхности [20].

Обстоятельный анализ российских научных исследований, направленных на изучение этнокультуральных факторов суицида, выявил следующие причины самоубийства у коренных этносов: психологические, социально-экономические, религиозные, генетические факторы, алкоголизм и «пассионарность». Чаще всего упоминаются психологические и социально-экономические триггеры самоубийства.

«Культурно-психологическая травма» как источник высокой суицидальной активности коренных народов Севера Российской Федерации.

Высокий уровень суицидов у коренных народов Севера Российской Федерации вызван «культурно-психологической травмой», в отличие от «культурно-исторической травмы», связанной с самоубийствами коренных народов Америки.

Коренные народы Сибири и Арктики, в отличие индейцев и иннуитов Америки, не испытывали тягот колониальных войн, многочисленных унижений, насилия, голода, не подвергались массовому уничтожению.

Последствия «культурно-исторической травмы» у коренных народов США, Канады, Австралии и Латинской Америки сохраняются, по мнению российского суицидолога Н. Б. Семеновой, в виде неблагоприятного социально-экономического положения, нетерпимости и дискриминации [12].

В отличие от коренных народов США, Канады и Австралии коренные народы Сибири и Арктики Российской Федерации живут практически в одинаковых социально-экономических условиях с русскими в поселениях на Севере и не подвергаются открытой дискриминации.

«Культурно-психологическая травма» проявляется у коренных народов российского Севера в отчуждении от собственной культуры под воздействием такого общественно-психологического явления как европоцентризм. Европоцентризм является особым вариантом этноцентризма, сущность которого как общественно-психологического явления сводится к наличию совокупности массовых иррациональных положительных представлений о собственной культуре как о некоем «ядре», вокруг которого группируются другие этнические общности [40]. Его развитию способствует слабая осведомленность людей об обычаях, верованиях, традиционных занятиях представителей малочисленных этносов, что зачастую приводит к конфликтам.

Считается, что отказ от традиционного промысла у коренных народов ведет к потере смысла жизни, и тогда самоубийство является единственным решением [12]. Традиционные способы деятельности (оленоводство, охота, рыболовство) сейчас малопривлекательны для коренных народов Севера. Представители коренных народов, особенно молодежь, хотят адаптироваться к полноценному существованию в современном обществе, хотят испытать свои силы и возможности в других сферах жизнедеятельности, даже в сфере «высоких IT-технологий».

Что касается разнообразных устремлений самих этносов (экономических, политических, культурных), то, разумеется, нет смысла их каким-то образом замалчивать, а тем более осуждать. Каждой этнической группе присуще имманентное стремление не только сохранить, но и всемерно расширять свою территорию, сохранить свой язык, культуру, идентичность [41].

Европоцентризм манифестирует превосходство культурных признаков всех народов Европы по отношению к неевропейским народам [42]. Современный немецкий специалист по теории коммуникаций Г. Малетцке, разрабатывающий теорию межкультурной коммуникации в контексте культурной антропологии, отмечает: «По меньшей мере, начиная с Нового времени, европейцы, а вслед за ними американцы убеждены в том, что они владеют единственно подлинной культурой и цивилизацией. Европейцы считают себя примером всех народов и культур...» [Цит. по: 42, С. 37].

Европоцентризм приводит к отчуждению человека Севера (особенно у молодежи) от собственной культуры, когда техногенная глобальная цивилизация культивирует в массовом сознании некий образ, «эталон» успешного человека, обычно принадлежащего к европейской расе и культуре. Отчуждение от традиционной культуры, несоответствие своего социального и физического статуса эталонному образчику mass media приводит к заниженной самооценке в неокрепшей психике подростка и юноши. А заниженная самооценка является основным психологическим пусковым фактором суицидального поведения и алкоголизации представителей коренных народов.

Тем более Б. С. Положий говорит об отчуждении от культуры представителей коренных народов: «Следующим аспектом является произошедшая в XX веке утрата финно-угорскими народами нашей страны своих традиционных религиозно-культурных корней, что было обусловлено насильственным внедрением чуждых для финно-угров нравственных ценностей, устоев и форм поведения, не соответствующих историческим традициям видов профессиональной деятельности, подавлением у представителей коренного населения чувства национального самосознания. Все это снижает психологическую устойчивость людей, повышает их психогенную уязвимость, что выражается в развитии суицидального поведения» [21].

Глобализация социальных, экономических и культурных процессов в современном мире требует, чтобы человечество объединилось в единую социокультурную целостность. Подобная целостность вынуждает человека жить по принципу экзистенциальной философии «здесь и теперь» в этом остановленном моменте времени, предать забвению историческое прошлое своего народа. Следовательно, анализ наличного бытия человека, застигнутого «здесь и теперь», сводится в непроизвольной сиюминутности переживаний. А «непроизвольная сиюминутность переживаний» есть область применения психологии, но не истории.

Российский этнограф и историк С. А. Токарев считал: «Уважение к культуре каждого народа, хотя бы считаемого отсталым, внимательное и осторожное отношение к народам – создателям такой культуры. Отказ от высокомерного самовозвеличивания европейцев как носителей якобы абсолютных ценностей и непогрешимых судей – все это, несомненно, здравые научные идеи, заслуживающего самого серьезного внимания» [43].

Этноцентризм, как одна из основных антропологических констант, неизменно оказывает влияние на поведение людей в их отношении к другим культурам [41]. В связи с этим среди культурологов это негативное явление считается крупнейшей проблемой межкультурной коммуникации, а в его преодолении мы видим основную задачу в деле профилактики суицидального поведения у молодежи Севера. Поэтому основной задачей в деле профилактики самоубийств у молодежи Российской Федерации является воспитание позитивного отношения к культурным отличиям – способности принятия существования другой самобытной культуры, адаптироваться к ней, даже интегрироваться в нее. Этот вариант реакции на другую культуру встречается гораздо реже в рамках такого социального явления, как «мультикультурализм», несущего в себе смысл отрицания европоцентризма, отказа от интеграции и тем более от ассимиляции коренных народов. Мультикультурализм придерживается принципа равенства всех культур. Примером мультикультурализма является Норвегия – 55 % саамов, проживающих в Норвегии, имеют высшее образование. У них же отмечаются самые низкие показатели суицидального поведения среди коренных народов [12].

Заключение.

Тенденции современности, процессы глобализации ведут к взаимопроникновению культур, обмену материальными и духовными ценностями – к мультикультурализму. При этом одновременно нужно создавать условия для гармоничного развития личности каждого человека – Я-идентичности, плавно переходящей в Мы-идентичность. Немецкий социолог Н. Элиас утверждал: «Должно наступить время групповой Мы-идентичности на общечеловеческом уровне» [44]. Наступление групповой Мы-идентичности в виде уважительного отношения европейцев к духовным ценностям малых народов приведет к снижению показателей самоубийств у коренных народов мира.

Литература

1. Предупреждение суицидов: глобальный императив. Женева: ВОЗ, 2014. 102 с.
2. Дуткин, М. П. Этнокультуральные факторы суицидального поведения народов Севера / М. П. Дуткин // Якутский медицинский журнал. – 2013. – Том 44, № 4. – С. 82-84.
3. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>
4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.buenolatina.ru/news.php?id=105>
5. Электронный ресурс. Режим доступа: http://articles.chicagotribune.com/1985-10-13/news/8503090731_1_suicide-pact-suicide-victims-indian-health-service.
6. Hill, R. An analysis of hospital visits during the 12 months preceding suicide death in Northern Alaska / R. Hill, Perkins R. Perkins, Wexler L. Wexler // Alaska med. – 2007. – Vol. 49, № 1 – P. 16-21.
7. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cdc.gov/nchs/data/hus/hus15.pdf>
8. MacDonald, J.P. A review of protective factors and causal mechanismus that enhance the mental health of Indigenous Circumpolar youth / J.P. MacDonald, J.D. Ford, A.C. Willox, N.A. Ross // Int. J. Circumpolar Health. – 2013. – Vol. 71. – № 10.
9. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/national-security/the-hard-lives-and-high-suicide-rate-of-native-american-children/2014/03/09/6e0ad9b2-9f03-11t3-b8d8-94577ff66b28-story.html>
10. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2016/04/21/474847921/the-arctic-suicideas-its-not-the-dark-that-kills-you>
11. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.csmonitor.com/USA/USA-Update/2015/0413/Tribes-battle-high-teen-suicide-rates-on-native-American-reservations>
12. Семенова, Н. Б. Распространенность и факторы риска самоубийств среди коренных народов: обзор зарубежной литературы / Н.Б. Семенова // Суицидология. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 17-39.
13. Mohatt, N. V. Assesment of awareness of connectedness as a culturally-based preotective factorfor Alaska native youth / N. V. Mohatt, Fok C. C. Fok, Burket R. Burket Eet al. // Cultur. Divers Ethnic Minor. Psychol. – 2011. – Vol. 17. – № 4. – P. 444-445.
14. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/blogs-trending-27423033>
15. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0008/257606/978924156779_ru.pdf
16. Официальный сайт Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
17. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www/actualcomment.ru/rossiya_lidiruet_v_evrope_po_chisl_u_detskikh_suitcidov.html
18. Положий, Б.С. Особенности суицидальной ситуации в регионах со сверхвысокой частотой самоубийств (на примере Республики Тыва) / Б.С. Положий, Л.Ы. Куулар, С.М. Дуктеноол // Суицидология. – 2014. – Том 5, № 1. – С. 11–18.
19. Валиахметов, Р. М. Российские самоубийства: случай Башкортостана [Электронный ресурс] / Р.М. Валиахметов, Хилажева Г. Ф. Хилажева, Мухамадиева Р. Р. Мухамадиева. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/tema01.php>
20. Иванова, А. С. Смертность российских подростков от самоубийств. Детский фонд ЮНИСЕФ / А.С. Иванова, Сабгайда Т. П. Сабгайда, Семенова В. Г. Семенова. М.: БЭСТ-Принт 2011. С. 131.

21. Положий, Б. С. Суициды в контексте этнокультуральной психиатрии / Б.С. Положий // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2002. – № 6. – С. 245-247.
22. Терехин, В. М. Флюктуация суицидального поведения населения Республики Коми / В.М. Терехин // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 48-54.
23. Любов, Е.Б. Жизнестойкость и факторы риска суицидального поведения коренных малочисленных народов Севера России / Е.Б. Любов, Ю.А. Сумароков, Э.Р. Конопленко // Суицидология. – 2015. – Том 6, № 3. – С. 23–30.
24. Шепилов, Д. Т. Самоубийства в Якутии: этюд / Д.Т. Шепилов // Сб. трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». – 1928. – Вып. 5. – С. 1-27.
25. Пашковский, В. Э., Суицидальное поведение и религиозность / В.Э. Пашковский, В.К. Шамрей, Софронов А.Г. Софронов // Суицидология. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 30-41.
26. Якунин, В. И. Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография / В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. 3-е изд. – М.: Научный эксперт, 2013. – 472 с.
27. Цыремпилов, С. В. Суицидогенная ситуация в Бурятии: вопросы влияния этнокультуральных факторов и пассионарности этносов / С.В. Цыремпилов // Суицидология. – 2012. – Т. 3, № 3. – С. 48-51.
28. Лубсанова, С. В., Базаров, А. А. Суицидальное поведение и религиозность (на примере молодых людей бурятской и русской национальностей) / С.В. Лубсанова, А.А. Базаров // Суицидология. – 2013. – Том 4, № 3. – С. 79-83.
29. Султанова, А. Н., Матофанов, Р. Н. Этнокультуральные особенности психологического времени бурят [Электронный ресурс] / А.Н. Султанова, Р.Н. Матофанов // Сетевое издание «Медицина и образование в Сибири». – 2013. – № 4. Режим доступа: <http://www.ngmu/cozo/mos/archive/catalog.php?rub=8>.
30. T. Kue Young, B. Revich, L. Soininen. Суициды в приполярных районах / T. Kue Young, B. Revich, L. Soininen // Суицидология. – 2015 – № 3. – С. 20-23.
31. Семенова, Н. Б. Особенности эмоциональной сферы коренной молодежи Севера как фактор риска суицидального поведения / Н.Б. Семенова // Суицидология. – 2011. – Т. 2, № 2. – С. 11-13.
32. Семенова, Н. Б. Когнитивные факторы риска суицидального поведения у коренных народов Севера / Н.Б. Семенова // Суицидология. – 2013. – Т. 4, № 1. – С. 29-32.
33. Радкевич, Л. А. Исследование взаимосвязи предрасположенностью к суициду в этнических популяциях / Л.А. Радкевич, К.С. Гюльязизова, И.С. Николаева // Доклады Академии наук. – 2005. – Т. 404, № 1. – С. 117-121.
34. Пирузян, Л. А. Исследование взаимосвязи смертности от суицида с фенотипом NAT2 и географическими координатами различных этнических популяций мира / Л.А. Пирузян, К.С. Гюльязизова, И.С. Николаева // Технологии живых систем. – 2009. – № 8. – С. 33-45.
35. Гилинский, Я. И. Самоубийство как социальный феномен / Я.И. Гилинский // Социологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 30-48.
36. Антонюк, В.В. Смертность от неестественных причин – убийства, самоубийства, травмы и отравления [Электронный ресурс] / В.В. Антонюк, С.П. Ермаков, В.Г. Семенова // Web-Атлас: «Окружающая среда и здоровье населения России». Режим доступа: <http://sci.aha.ru/ATL>.
37. Башкирова, Г. А., Лабезник, А. И. Динамика частоты завершенных суицидов среди детей и подростков в Удмуртии / Г.А. Башкирова, А.И. Лабезник // Культурные и этнические проблемы психического здоровья. / Под ред. Б.С. Положего, А.А. Чуркина. Вып 2. – М.: Ижевск, 1997.
38. Васильев, В. В. Этнокультуральные особенности суицидального поведения психически больных в Удмуртии: дис. ...канд. мед. наук [Электронный ресурс] / В.В. Васильев; Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. М., 2002. 246 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/etnokulturalnye-osobennosti-suitsidalnogo-povedeniya-psikhicheski-bolnykh-v-udmurtii>.
39. Кондричин, С.В. Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин. К вопросу об этногенезе социального поведения / С.В. Кондричин // Социологический журнал. – 2000. – № 3/4. – С. 98-117.
40. Крысько, В. Г. Этнопсихологический словарь / В. Г. Крысько, С. Ю. Иванников, В. Н. Волков, и др. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
41. Дмитриев, А. В. Конфликтология: учебное пособие / А.В. Дмитриев. – М.: Альфа-М, 2003. – 336 с.
42. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография / Л.В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.

43. Токарев, С. А. История зарубежной этнографии: учебное пособие / С.А. Токарев. М.: Высшая школа, 1978. – 352 с.
44. Элиас, Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – М.: Праксис, 2001. – 336 с.

References

1. Preduprezhdenie suicidov: global'nyj imperativ. – Zheneva: VOZ, 2014. – 102 s. (In Russ)
2. Dutkin M. P. Etnokulturalnyye faktory suitsidalnogo povedeniya narodov Severa // Yakutskiy meditsinskiy zhurnal. – 2013. – Tom 44. № 4. – S. 82-84. (In Russ)
3. <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>
4. <http://www.buenolatina.ru/news.php?id=105>
5. http://articles.chicagotribune.com/1985-10-13/news/8503090731_1_suicide-pact-suicide-victims-indian-health-service.
6. Hill R., Perkins R., Wexler L. An analysis of hospital visits during the 12 months preceding suicide death in Northern Alaska // Alaska med. – 2007. – Vol. 49, № 1 – P. 16-21.
7. <http://www.cdc.gov/nchs/data/hus/15.pdf>
8. MacDonald J.P., Ford J.D., Willox A.C., Ross N.A. A review of protective factors and causal mechanisms that enhance the mental health of Indigenous Circumpolar youth // Int. J. Circumpolar Health. – 2013. – Vol. 71. – № 10.
9. <https://www.washingtonpost.com/world/national-security/the-hard-lives-and-high-suicide-rate-of-native-american-children/2014/03/09/6e0ad9b2-9f03-11t3-b8d8-94577ff66b28-story.html>
10. <http://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2016/04/21/474847921/the-arctic-suicideas-its-not-the-dark-that-kills-you>
11. <http://www.csmonitor.com/USA/USA-Update/2015/0413/Tribes-battle-high-teen-suicide-rates-on-native-American-reservations>
12. Semenova N. B. Rasprostranennost i faktory riska samoubiystv sredi korennykh narodov: obzor zarubezhnoy literatury – Suitsidologiya. 2017. – Tom 8 – № 1. – S. 17-39. (In Russ)
13. Mohatt N. V., Fok C. C., Burket R. Et al. Assessment of awareness of connectedness as a culturally-based protective factor for Alaska native youth // Cultur. Divers Ethnic Minor. Psychol. – 2011. Vol. 17. № 4. – P. 444-445
14. <http://www.bbc.com/news/blogs-trending-27423033>
15. http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0008/257606/978924156779_ru.pdf
16. Ofitsialnyy sayt Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> (In Russ)
17. http://www/actualcomment.ru/rossiya_lidiruet_v_evrope_po_chislu_detskikh_suitcidov.html
18. Polozhy B.S., Kuular L.Y., Dukten-ool S.M. Peculiarities of suicidal situation in the regions with ultrahigh suicide rate (on an example of The Republic of Tyva) // Suicidology. – 2014. – Vol. 5, № 1. – P. 11-18. (In Russ)
19. Valiakhmetov R. M., Khilazheva G. F., Mukhamadiyeva R. R. Rossiyskiye samoubiystva: sluchay Bashkortostana. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/tema01.php> (In Russ)
20. Ivanova A. S., Sabgayda T. P., Semenova V. G. Smertnost rossiyskikh podrostkov ot samoubiystv. Detskiy fond YuNISEF. – M.: BEST-Print 2011. – S. 131. (In Russ)
21. Polozhiy B. S. Suitsidy v kontekste etnokulturalnoy psikiatrii // Psikiatriya i psikhofarmakoterapiya. – 2002. – № 6. – S. 245-247. (In Russ)
22. Terebikhin V.M. Flyuktuatsiya suitsidalnogo povedeniya naseleniya Respubliki Komi. // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2010. – № 10. – S. 48-54. (In Russ)
23. Lyubov E.B., Sumarokov Yu.A., Konoplenko E.R. Zhiznestoykost i faktory riska suitsidalnogo povedeniya korennykh malochislennykh narodov Severa Rossii // Suitsidologiya. – 2015. – Tom 6. № 3. – S. 23-30. (In Russ)
24. Shepilov D. T. Samoubiystva v Yakutii: etyud // Sb. trudov issledovatel'skogo obshchestva «Sakha keskile» – 1928. – Вып. 5. – S. 1-27. (In Russ)
25. Pashkovskiy V. E., Shamrey V. K., Sofronov A. G. // Suitsidalnoye povedeniye i religioznost – Suitsidologiya – 2015 – № 3. – S. 30-41. (In Russ)
26. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S. S. Novyye tekhnologii borby s rossiyskoy gosudarstvennostyu: Monografiya. – 3-e izd. – M.: Nauchnyy ekspert. 2013. – 472 s. (In Russ)

27. Tsyrempilov S.V. Suitsidogennaya situatsiya v Buryatii: voprosy vliyaniya etnokulturalnykh faktorov i passionarnosti etnosov // Suitsidologiya. – 2012. – № 3. – S. 48–51. (In Russ)
28. Lubsanova S. V., Bazarov A. A. Suitsidalnoye povedeniye i religioznost (na primere molodykh lyudey buryatskoy i russkoy natsionalnostey) // Suitsidologiya. – 2013. – Tom 4. № 3. – S. 79-83. (In Russ)
29. Sultanova A. N., Matofanov R. N. Etnokulturalnyye osobennosti psikhologicheskogo vremeni buryat. // Setevoye izdaniye «Meditsina i obrazovaniye v Sibiri». – 2013. – № 4. URL: <http://www.ngmu/cozo/mos/archive/catalog.php?rub=8> (In Russ)
30. T. Kue Young. B. Revich. L. Soinenen. Suitsidy v pripolyarnykh rayonakh. – Suitsidologiya. – 2015 – № 3. – S. 20-23. (In Russ)
31. Semenova N. B. Osobennosti emotsionalnoy sfery korennoy molodezhi Severa kak faktor riska suitsidalnogo povedeniya – Suitsidologiya. – 2011 – № 2 – S. 11-13. (In Russ)
32. Semenova N. B. Kognitivnyye faktory riska suitsidalnogo povedeniya u korennykh narodov Severa – Suitsidologiya. – 2013 – № 1 – S. 29-32. (In Russ)
33. Radkevich L. A., Gyulazizova K. S., Nikolayeva I. S. Issledovaniye vzaimosvyazi predraspolozhennostyu k suitsidu v etnicheskikh populyatsiyakh / Doklady Akademii nauk – 2005. – Tom 404. № 1 – S. 117-121. (In Russ)
34. Piruzyan L. A., Gyulazizova K. S., Nikolayeva I. S. Issledovaniye vzaimosvyazi smertnosti ot suitsida s fenotipom NAT2 i geograficheskimi koordinatami razlichnykh etnicheskikh populyatsiy mira. // Tekhnologii zhivnykh sistem. – 2009 – № 8 – S. 33-45. (In Russ)
35. Gilinskiy Ya. I. Samoubiystvo kak sotsialnyy fenomen // Sotsiologicheskyy zhurnal. – 2011. – № 2. – S. 30-48. (In Russ)
36. Antonyuk V.V., Ermakov S.P., Semenova V.G. «Smertnost ot neyestestvennykh prichin – ubiystva, samoubiystva, travmy i otravleniya». Web-Atlas: «Okruzhayushchaya sreda i zdorovye naseleniya Rossii». URL: <http://sci.aha.ru/ATL> (In Russ)
37. Bashkirova G.A., Labeznik A.I. Dinamika chastoty zavershennykh suitsidov sredi detey i podrostkov v Udmurtii // Kulturnyye i etnicheskiye problemy psikhicheskogo zdorovia. Vyp 2. / Pod red. B.S. Polozhego. A.A. Churkina. – Moskva – Izhevsk. 1997. (In Russ)
38. Vasilyev V. V. Etnokulturalnyye osobennosti suitsidalnogo povedeniya psikhicheski bolnykh v Udmurtii // Avtoref. dissert. ...kand. med. n. / Gosudarstvennyy nauchnyy tsentr sotsialnoy i sudebnoy psikiatrii im. V.P. Serbskogo – M., 2002. – 246 s. URL: <http://www.dissercat.com/content/etnokulturalnye-osobennosti-suitsidalnogo-povedeniya-psikhicheski-bolnykh-v-udmurtii> (In Russ)
39. Kondrichin S.V. Regionalnaya differentsiatsiya elektoralnykh ustanovok. urovnya samoubiystv i smertnosti ot nasilstvennykh prichin. K voprosu ob etnogeneze sotsialnogo povedeniya // Sotsiologicheskyy zhurnal. – 2000. – № 3/4 – S. 98-117. (In Russ)
40. Dmitriyev A. V. Konfliktologiya: Uchebnoye posobiye. – M.: Alfa-M. 2003. – 336 s. (In Russ)
41. Kulikova L. V. Mezhekulturnaya kommunikatsiya: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. Na materiale russkoy i nemetskoy lingvokultur: Monografiya. – Krasnoyarsk: RIO KGPU. 2004. – 196 s. (In Russ)
42. Tokarev S. A. Istoriya zarubezhnoy etnografii: Uchebnoye posobiye. – M.: Vysshaya shkola. 1978. – 352 s. (In Russ)
43. Elias N. Obshchestvo individov. – M.: Praxis. 2001. – 336 s. (In Russ)